

ВЛИЯНИЕ ДЕЙСТВИЙ ПОСЛАНИКА РЕЗАНОВА НА ИСХОД ПОСОЛЬСКОЙ МИССИИ И НА ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ В РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

© 2023

М. Ю. Кондратьева¹

В статье рассматривается влияние личности русского посла Николая Петровича Резанова на русско-японские отношения. Посольство Николая Петровича Резанова в Японию закончилось неудачей и дало старт новым печальным событиям в русско-японских отношениях. Среди таких событий — инцидент Хвостова (также известный как инцидент Резанова-Давыдова-Хвостова), когда были ограблены и сожжены некоторые японские деревни и промыслы на Сахалине, и инцидент Головнина, когда русский мореплаватель Василий Михайлович Головнин был пленен японцами и провел в плену два года. Автор предпринял попытку выяснить роль личности посланника во всех перечисленных событиях. Анализ историографии показал, что исследователи неоднократно обращались к результатам посольства Резанова и к анализу его личности, приходя к противоположным выводам об абсолютной вине или полной невинности посланника в неудаче миссии. Привлечение широкого круга источников, а также использование индукционного метода позволили автору прийти к новым выводам: неудача заключалась не в одной, но в комплексе причин. Наравне с такими причинами, как плохо подобранные товары и предвзятое отношение японцев того времени к русским людям, действия Николая Петровича оказали влияние на неудачу миссии. Однако главную роль сыграла изоляционная политика японского государства, которая, начавшись еще в середине XVII в., плотно закрепилась в японском обществе. Что касается роли посланника в отношениях с Японией, она наиболее велика в печальной истории с ограблением японских деревень, оказавшей отрицательное влияние на отношения с этой страной.

Ключевые слова: Резанов, политика изоляции, Япония, посольство в Японию, инцидент Хвостова, инцидент Головнина, Василий Головнин

Для цитирования: Кондратьева М. Ю. Влияние действий посланника Резанова на исход посольской миссии и на последующие события в российско-японских отношениях. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 2. С. 22–30. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-022-030

THE INFLUENCE OF THE ENVOY REZANOV'S ACTIONS ON THE OUTCOME OF THE EMBASSY MISSION AND ON THE SUBSEQUENT EVENTS IN RUSSO-JAPANESE RELATIONS

M. Yu. Kondratyeva

¹ Кондратьева Мария Юрьевна, студентка 3-го курса Тольяттинского государственного университета, Тольятти; maria.kondrateva268@gmail.com
 Mariia Yurievna Kondratyeva, 3rd year student of Togliatti State University; maria.kondrateva268@gmail.com
 ORCID: 0000-0001-9362-4418

The article examines the influence of the personality of the Russian ambassador Nikolai Petrovich Rezanov on Russian-Japanese relations. The embassy of Nikolai Petrovich Rezanov to Japan ended in failure and gave rise to new sad events in Russian-Japanese relations. Among such events are the Khvostov incident (also known as the Rezanov-Davydov-Khvostov incident), when some Japanese villages and crafts on Sakhalin were robbed and burned, and the Golovnin incident, when the Russian navigator Vasily Mikhailovich Golovnin was captured by the Japanese and held in captivity for two years. The author made an attempt to find out the role of the personality of the envoy in all the listed events. An analysis of historiography has shown that researchers have repeatedly turned to the results of Rezanov's embassy and to the analysis of his personality, coming to opposite conclusions about the envoy's absolute guilt or complete innocence in the failure of the mission. The involvement of a wide range of sources, as well as the use of the induction method, allowed the author to come to new conclusions: the failure was not in one, but in a complex of reasons. Along with such reasons as poorly selected goods and the prejudiced attitude of the Japanese of that time towards the Russian people, the actions of Nikolai Petrovich influenced the failure of the mission. However, the main role was played by the isolation policy of the Japanese state, which, having begun in the middle of the 17th century, was firmly entrenched in Japanese society. As for the role of the envoy in relations with Japan, it is greatest in the sad story of the robbery of Japanese villages, which had a negative impact on relations with Japan.

Keywords: Rezanov, isolation policy, Japan, Embassy to Japan, Khvostov's Incident, Golovnin's Incident, Vasily Golovnin.

For citation: Kondratyeva M. Yu. The Influence of the Envoy Rezanov's Actions on the Outcome of the Embassy Mission and the Subsequent Events in Russo-Japanese Relations. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 2. Pp. 22–30. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-022-030

Оснoвы официальных отношений между Японией и Россией начали закладываться еще в XVIII в., во время первого посольства Адама Лаксмана в Японию. Торговые отношения с Японией были крайне выгодны для России и могли способствовать активному заселению Камчатского края. Первая половина XIX в. ознаменовалась отправкой русского посольства под руководством камергера Высочайшего двора Николая Петровича Резанова.

В отечественной и зарубежной историографии русско-японским отношениям в XIX в., а также посольству Н. П. Резанова уделено особое внимание. Среди трудов дореволюционных авторов следует выделить работы К. А. Военского, А. Сгибнева и Д. М. Позднеева. Работы известного востоковеда Д. М. Позднеева отличаются полнотой исследования не только отечественной, но и японской литературы. Опираясь на широкий круг источников, автор характеризует с положительной стороны руководителя посольства Н. П. Резанова. Подобное отношение к посланнику мы встречаем и в исследовании А. Сгибнева. Здесь следует отметить, что работа Сгибнева была основана преимущественно на письмах самого Резанова.

Сложившаяся в дореволюционный период положительная характеристика Резанова связана, на наш взгляд, прежде всего с узостью источниковой базы. Так, например, письма к монаху Гедеону были недоступны исследователям [6]. В советский период образ Резанова подвергся романтизации. В 1970-е гг. он обрел особую популярность у общественности благодаря опере «Юнона и Авось». Среди исследовательских работ особое внимание стоит уделить монографии Л. Н. Кутакова. Автор, характеризуя исход миссии Н. П. Резанова, акцентирует внимание на изоляционистской политике Японии и интригах голландцев. Предпринятая по приказу Резанова экспедиция Хвостова, в ходе которой были разграблены и сожжены японские деревни, рассматривалась как ликвидация незаконных «японских контор» и освобождение

айнов от «японской кобаль». Роль самого Резанова в разграблении японских деревень в советской литературе практически не рассматривалась или же подменялась понятиями вроде «освоения» [Кутаков, 1988, с. 86].

Для современной отечественной историографии характерен иной взгляд на произошедшие события. Исследователи стремятся выявить влияние Н. П. Резанова на ход экспедиции, обращая внимание на связь личности посланника с последующими отрицательными событиями в русско-японских отношениях. Взаимодействие Резанова с членами команды, а также личность самого посланника рассмотрена в работах А. М. Свердлова [Свердлов, 2006; 2012] и американского ученого А. С. Блэк. Авторы указывают на отрицательные влияния Резанова на русско-японские отношения, однако неблагоприятный исход самого посольства признают заранее предрешенным. Среди современных зарубежных англоязычных исследований следует отметить работу Т. П. Гидни [Gidney, 2021]. Автором дана негативная характеристика личности Резанова, но причину провала посольства Гидни усматривает в нежелании японцев вести торговлю.

В современной японской историографии исход миссии Резанова исследователи связывают прежде всего с политическим курсом страны — запретом на торговлю, а не личностью посланника. Внимание к российской посольской миссии начала XIX в. обусловлено, как правило, составлением хроник отдельных регионов страны [Kamata, 1989]. Обзор историографии показывает, что на сегодняшний момент исследователями проделана значительная работа, позволяющая охарактеризовать неординарную личность Н. П. Резанова, а также выявить его роль в развитии внешнеполитических отношений России и Японии. Однако следует отметить, что подчас исследования носили тенденциозный характер и отличались узостью источниковой базы.

Николай Петрович Резанов был крупнейшим акционером компании Шелихова, которая затем была преобразована в Российско-Американскую компанию (*далее* — РАК). Как зять Г. И. Шелихова, он получил должность одного из директоров в правлении РАК [Крузенштерн, 1809, т. 1, с. 21]. В одном из его писем, сохранившемся в Нью-Йоркской публичной библиотеке, он хвалился, что «обставил все дела так, что обзавелся молодой женой и акциями компании»².

Само посольство было приурочено к первой русской кругосветной экспедиции. В 1803 г. Резанов назначается дипломатом второго русского посольства в Японию, а также начальником экспедиции. Накануне отъезда ему был присужден титул камергера, и он был награжден орденом Святой Анны 1 ст. [Фёдорова, 2016, с. 110]. В путешествии принимали участие И. Ф. Крузенштерн, Е. Е. Левенштерн, М. И. Ратманов и другие известные мореплаватели.

Резанов позитивно относился к Павлу I, который, в свою очередь, крайне благосклонно относился к РАКу. Александр I, напротив, придерживался позиции своей бабушки в отношении компании Шелихова [Фёдорова, 2016, с. 112; Свердлов, 2012, с. 49]. Исследователи, изучавшие вопрос назначения Резанова ранее, выделили следующую точку зрения: Александр I мог «отослать» его из-за стремления считаться с заветами Екатерины II. Исследователь А. М. Свердлов полагает, что незадолго до начала экспедиции практически все покровители Николая Петровича Резанова (и, по совместительству, убийцы Павла I) — П. А. Зубов и П. А. Пален — были удалены от двора. Можно предположить, что Резанов мог знать об участии императора Александра I в заговоре и представлять некоторую опасность.

Сама экспедиция впервые упоминается всего за пять месяцев до начала путешествия, а посол назначается за два. Посольство не было подготовлено должным образом: отсутствовал

² Голованов В. Одна «НАДЕЖДА» на двоих, 27.07.2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/308/> (дата обращения: 29.06.2022).

почетный караул, небрежно отнеслись к выбору подарков. Посольство было дополнением к основному мероприятию — кругосветной экспедиции. Как правильно заметил Л. М. Свердлов, в подписанной Александром I инструкции Крузенштерн упоминается гораздо чаще, чем Резанов^{1,2}. Любопытно, что архивисты, которые, вероятно, непредвзято трактовали текст инструкции, дали ей название: «Инструкция ... *начальнику* первой русской кругосветной экспедиции капитан-лейтенанту И. Ф. Крузенштерну». Действительно, Резанов появляется лишь в дополнении XVI пункта инструкции³.

Характеризуя отношение к личности посланника, стоит обратить внимание на его отношения с командой во время путешествия. Характеристика Резанова, которую дают участники экспедиции, сильно различается с той, что мы обнаруживаем в дневниковых записях и письмах самого Николая Петровича. Команда корабля была уверена, что руководителем экспедиции является Крузенштерн. Спустя десять месяцев после начала экспедиции Резанов голословно, на тот момент, провозгласил себя руководителем не только посольства, но и всей экспедиции. Все были удивлены такой новостью. Позже Резанов продемонстрировал указ императора о его назначении⁴.

Почему посол не сообщил о своем статусе сразу? Вероятно, он знал, что команда откажется ехать под его предводительством. Крузенштерн справедливо указывал ему, что неправильно ставить в известность людей спустя столько времени, когда ни один из них уже не может отказаться. Также он отмечал, что «было бы смешно, если бы подобную экспедицию доверили такому камергеру, который первый раз в жизни отправился в морское путешествие» [Левенштерн, 2003, с. 38; с. 43].

В то же время справедливо и следующее замечание: Крузенштерну были переданы инструкция и указ, он должен был знать о роли Резанова в миссии. Позже Иван Крузенштерн сам признался, что получил указ еще в Кронштадте, но не читал его⁵. Вероятно, так оно и было: Крузенштерн не вчитывался, а посланник — деликатно промолчал. Более того, у Крузенштерна были основания считать себя начальником экспедиции. В официальных письмах графа Н. П. Румянцева, который занимался организацией экспедиции и посольства, Крузенштерн обозначен главой путешествия: «Россия под вашим руководством принесла бы и свою дань во всеобщее богатство человеческих познаний» [Свердлов, 2006, с. 36]. Также стоит учесть, что гражданское лицо, которым являлся посланник, не могло руководить экспедицией под военными флагами. Корабли же, тем не менее, шли под Андреевскими флагами, пожалованными государем [Свердлов, 2006, с. 37]. Таким образом, имело место расхождение в инструкциях и письмах приближенных двора. У экспедиции оказалось два начальника.

Сохранившиеся отзывы участников экспедиции о Н. П. Резанове носят крайне нелицезный характер. Имели место попойки, во время которых Николай Петрович явно не знал меры. Левенштерн писал о том, что Резанов посещал «все танцевальные площадки и публичные дома» по дороге. Общая характеристика Резанова — «насквозь фальшивый» [Левенштерн, 2003, с. 27; с. 55; с. 69; с. 122; с. 260]. Стоит отметить, что лейтенант Левенштерн писал дневник для себя и не планировал его издавать.

³ Инструкция Главного правления Российско-Американской компании начальнику первой русской кругосветной экспедиции капитан-лейтенанту И. Ф. Крузенштерну. Электронный архив. Фонд Санкт-Петербургский Главный архив. 29 мая 1803 г. Л. 1–13. I-7. Опись 6, 1802 г. Д. 1. П. 27. С. 295. URL: <https://www.prlib.ru/item/334706> (дата обращения: 5.07.2022).

⁴ Голованов В. Одна «НАДЕЖДА» на двоих, 27.07.2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/308/> (дата обращения: 29.06.2022).

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Опись 1. Дело 217. Л. 124.

Основной конфликт у посланника был с И. Ф. Крузенштерном как с начальником экспедиции. Во время наибольшего накала отношений они общались только посредством переписки. При этом Крузенштерн показывал исключительную сдержанность в отношении Резанова: «Я признаю в Вас особу уполномоченную от Его Императорского Величества, как для посольства, так и для разных распоряжений в восточных краях России... Я не требую ничего, как с чем отправился из России, то есть быть командиром экспедиции по морской части», — писал он Николаю Петровичу. Однако, по версии посланника, Крузенштерн кричал и угрожал: «вот я его проучу» и «нарушал должное его к начальству уважение»⁶.

В письме морскому министру Павлу Васильевичу Чичагову участник экспедиции, адмирал Макар Ратманов докладывает о поведении посланника: «Не стыдится уже он заранее делать угрозы, что выучит и покажет свою власть в Японии и в Камчатке!» Резанов питал явную неприязнь к участникам экспедиции. Исходя из его писем и донесений, офицеры бунтовали⁷. На Камчатке он просит у коменданта майора Кошелева, чтобы тот помог ему расправиться с буйными и дерзнувшими нарушить святость Высочайшей воли⁸. Возвращаясь к основному конфликту экспедиции, следует отметить, что Николай Петрович требовал, чтобы Крузенштерна судили, и не в Петербурге, а на Камчатке. Однако когда комендант признал просьбу Крузенштерна о суде в Петербурге справедливой, посол согласился мириться.

По мнению А. М. Свердлова, Резанов нарочно провоцировал офицеров во время экспедиции. Это были попытки получить компромат и избавиться на Камчатке от Крузенштерна, Ратманова и других участников, за исключением тех, кто стал бы его поддерживать при любых обстоятельствах. Есть и противоположное мнение. Его высказывает в своих работах К. А. Военский. Он полагает, что причина неприязни команды к Резанову кроется в «вопросе подчинения», т. е. Крузенштерн был недоволен своим положением, поэтому и принялся «доводить» Резанова. В качестве аргумента Военский приводит сведения о том, что Резанов предоставил информацию о своем положении в начале экспедиции [Военский, 1895]. Как было показано нами выше, информация о роли Резанова сразу была предоставлена лишь Крузенштерну.

26 сентября 1804 г. посольство прибыло в Японию, в порт Нагасаки. Еще с первой половины XVII в. Япония придерживалась мощной изоляционной политики — Сакоку. Японцы поддерживали отношения исключительно с голландцами, китайцами и корейцами. Голландцы, с которыми велась торговля, имели отдельный остров для своих людей — остров Дэдзима, на котором они существовали под строгим контролем японцев. Только к нему имели право подходить корабли. Участники первого посольства в Японию под командованием Адама Лаксмана нарушили это правило [Позднеев, 1909, т. 2, ч. 1, с. 120]. Однако японское правительство простило их, поскольку российская сторона не была осведомлена о данном правиле, а также вернула в Японию ее граждан, потерпевших кораблекрушение у русских берегов. Первое посольство имело следующий результат: Лаксман получил разрешение (грамоту) на въезд в Нагасаки одного корабля. Пользуясь этой грамотой, русская сторона планировала наладить связи с Японией.

В наибольшей степени нас интересует роль посланника в исходе посольства. При первой же встрече с японцами он отказался оставить на корабле свой почетный караул, постоянно

⁶ Там же.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Опись 1. Дело 217. Л. 121–123.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Опись 1. Дело 217. Л. 125.

пререкался с ними, отказывался полностью разоружаться [Крузенштерн, с. 341]⁹. По мнению Е. Е. Левенштерна, это поведение «могло оказать влияние на будущий прием». «Я все время боюсь, что Резанов уже испортил отношения с японцами», — отмечает Левенштерн [Левенштерн, 2003, с. 224].

Немаловажное значение для русского посольства имели и интриги голландцев. Они вели клеветническую политику по отношению к другим странам в попытках удержать свою монополию на культурный обмен и торговлю с Японией. Так, известный мореплаватель В. М. Головин в своих «записках» приводит письмо голландцев, в котором последние хвастаются, что смогли «внушить японцам непримиримую ненависть к русским». Д. М. Позднеев и П. Гидни отмечали, что подобные подстрекательства способствовали росту недоверия со стороны японцев [Gidney, 2021, p. 1; p. 52].

При этом следует отметить, что и сами японцы не спешили выстраивать торговые взаимоотношения с Россией. Руководствуясь законами Фукуямы 1805 года (о сильном государстве — *М. К.*), которые были полностью направлены на ликвидацию излишеств в жизни людей, торговцы не должны были покупать для продажи предметов роскоши [Позднеев, т. 2, ч. 1, с. 153]. Возможно, исходя из этого положения законов, бакуфу (правительство трех династий сёгунов в Японии с конца XII в. по 1867 г.) заключило, что в этом году (1805) торговля запрещена, и попросило скорее уезжать из Японии¹⁰.

Сам Резанов передавал следующую версию одного японского чиновника: сановник по имени Давесам, выступавший за развитие отношений Японии с другими странами, убедил сёгуна Иенари подписать бумагу, позволяющую приехать в Нагасаки русскому кораблю. Однако выше сообщать о своем решении сёгун не стал. Когда император узнал, что разрешение было дано без его согласия, он возбудил дело об оскорблении императорского достоинства сёгуном, а посольству был дан отказ¹¹. Однако если обратить внимание на работу Позднеева, то в качестве лиц, выдавших разрешение на въезд, обозначены два инспектора: Исикава Сёогэн и Мураками Даигаку [Позднеев, т. 2, ч. 1, с. 120], которые после отъезда русского судна получили похвальные грамоты от министров государства.

Немаловажным фактором стало и отсутствие товаров, которые могли бы привлечь японцев, а также ложь российского посланника. Показателен следующий пример, приведенный Левенштерном: «У Резанова для всех подарков одна оценка на языке: «Это сделано в России». На ящике, из которого вынули золотого слона, стояло: «Лондон». Переводчики, стоявшие рядом, увидели это и спросили, для чего надпись. Резанов сказал: «На вещах, изготовленных в Петербурге, пишут «Лондон» и наоборот, так [поступают] во всей Европе» [Левенштерн, 2003, с. 225].

Подготовка к посольству была крайне неполноценной. Перед сбором вещей никакого исследования проведено не было. Японцев не могли привлечь фарфор и шкуры лис. Лисы в Японии всегда воспринимались «нечистыми» животными, а фарфор японцы делали самостоятельно и достаточно высокого качества.

⁹ Архив Российской национальной библиотеки (РНБ) [Archive of the Russian National Library]. Фонд 73. Дело 341. Л. 7.

¹⁰ 鎌田作郎 函館市 / 函館市地域史料アーカイブ — 榎法華村史 — 第十二編 災害 — 第四章 外国船の出現 — 第一節 鎖国中の外国船の出没 — 二 前松前、前幕領時代 — 1989. [(translation from Japanese) Sakuro Kamata. History of Todohokke Village — Part 12 — Disasters. Chapter 4 — The Appearance of Foreign Courts; Section 1: Appearance of foreign ships during seclusion — Arrival of Resanov. Regional Historical Archive of Hakodate City, 1989].

¹¹ Архив Российской национальной библиотеки (РНБ) [Archive of the Russian National Library]. Фонд 73. Дело 341. Л. 20–21.

Многие отечественные и зарубежные исследователи уверены, что исход миссии был предрешен заранее [Военский; Свердлов; Gidney]. Даже А. М. Свердлов, который крайне отрицательно характеризовал Резанова, считал, что миссия была заведомо провальной. Японский автор Мацумага Цёкен также говорил, что это разрешение (грамота) было своего рода уловкой, попыткой «отделаться» от посещения русских. При этом он признавал, что торговые отношения были бы «крайне желательны» для Японии [Позднеев, т. 2, ч. 2, с. 70–71].

События, которые произошли после возвращения посольства из Японии, достаточно сложно поддаются логике.

Поскольку торговля с Японией была бы крайне выгодна для РАКа, идея достичь торговых соглашений любой ценой, видимо, не оставляла посланника. Он приказал снарядить «секретную» экспедицию, во главе которой поставил своего зятя, лейтенанта Н. А. Хвостова, работавшего на тот момент в РАК. В инструкции Хвостову он пишет: «Войти в губу Анива и буде найдете японские суда, истребить их»; «В рассуждении сахалинцев и японцев всюду, где ни встретите вы их, стараться первых привлекать ласками, а вторым делать вред истреблением судов их» [Кириченко, с. 318]. В одном из писем Резанов прямо говорит, что экспедиция Н. А. Хвостова организована им самим и является секретной. Он также просит адресата, иеромонаха Гедеона, не рассказывать об экспедиции, держать ее в секрете, «без малейшей кому-либо огласки»¹². Отказ японцев от торговли в своем поручении Николай Петрович называет «вероломным». Очевидно, он считал свои намерения благими и был уверен, что его вынудили к отдаче этого приказа. Более того, посланник считал, что исполняет волю японского народа, который «желал торговать», и что японское правительство изменит свое решение, что грабежи подтолкнут японцев к «снисканию торговых связей с нами» [Кириченко, с. 320].

Осенью 1806 г. Н. А. Хвостов и лейтенант Г. И. Давыдов в сопровождении матросов высадились на губе Анива. Японцы, которые жили там, встретили их достаточно хорошо, даже накормили военных. После трапезы Хвостов отдал приказ ограбить деревню, а японцев взять в плен. Разграбление и погрузка японского имущества на русский фрегат продолжались несколько дней. По окончании мероприятия японская деревня была сожжена. Позже Хвостова и Давыдова будут судить в Петербурге. Их признают виновными, Резанов же так и не окажется на скамье подсудимых как организатор данного мероприятия.

Спустя некоторое время произошел инцидент Головнина. Известный мореплаватель Василий Головнин, причаливший к японским берегам, чтобы просить помощи в провизии, был схвачен в плен. Там он провел несколько лет и стал первым известным человеком, вернувшимся из японского плена. После возвращения Головнин напишет книгу «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев». В конце XIX в. «Записки...» Головнина были выпущены и в Японии. В предисловии к японской версии прямо сказано о том, что Головнин попал в плен по единственной причине — грабежи Хвостова [Позднеев, т. 1, с. 515].

У грабежей Хвостова были и другие последствия. Японцы понимали, как выгодно будет для них вести торговлю с Россией, и обсуждали эту возможность в правительстве. Однако грабежи Хвостова возымели эффект, противоположный тому, на который рассчитывал Резанов. После случившегося гордость не позволяла японцам начать торговлю до того, как русская сторона принесет извинения. Более того, бакуфу всерьез рассматривало предложение некоторых министров о нападении на русские пограничные территории. Также обсуждался вопрос о возможности нападения на Санкт-Петербург [Позднеев, т. 1, с. 12–13].

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 796. Опись 90. Дело 273. Л. 57–58.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что первое русское посольство в Японию оказалось неудачным по целому комплексу причин. Главный фактор — строгие традиции изоляции Японии. Пренебрежительное отношение посла к японцам и их образу жизни, его напористость, которая не свойственна населению Страны восходящего солнца, тоже сыграли свою немаловажную роль в принятии японским правительством отрицательного решения, но и это не стало определяющим. Негативной в долгосрочной перспективе была личность посланника. Спровоцированные им события (инциденты) сыграли отрицательную роль в отношениях между Россией и Японией.

Литература / References

Военский К. А. Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг. *Русская старина*. 1895. № 7. С. 201–235 [Voensky K. A. Rezanov's Embassy in Japan in 1803–1805. *Russian antiquity*. 1895. No. 7. Pp. 201–235 (in Russian)].

Иоффе А. Е., Спиридонова Л. И. *Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799–1815. Сборник документов*. М., 1994 [Ioffe A. E., Spiridonova L. I. *The Russian-American Company and the Study of the Pacific North, 1799–1815. Document collection*. Moscow, 1994 (in Russian)].

Кириченко А. А. Из ранней истории российско-японских отношений. Очерки, исследования, разработки. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 316–335 [Kirichenko A. A. From the Early History of Russian-Japanese Relations. Essays, studies, developments. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2001. Pp. 316–335 (in Russian)].

Крузенштерн И. Ф. *Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805, 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева»*. Санкт-Петербург, 1809. Т. 1–3 [Kruzenshtern I. F. *Journey around the world in 1803, 1804, 1805, 1806 on the ships Nadezhda and Neva*. St. Petersburg, 1809. Vol. 1–3 (in Russian)].

Кутаков Л. Н. *Россия и Япония*. М., 1988 [Kutakov L. N. *Russia and Japan*. Moscow, 1988 (in Russian)].

Левенштерн Е. Е. *Вокруг света с Иваном Крузенштерном: Дневник лейтенанта «Надежды» (1803–1806): Самое полное описание первого Российского Кругосветного Плаванья*. ЦКП ВМФ, 2003 [Levenshtern E. E. *Around the World with Ivan Kruzenshtern: Diary of Lieutenant «Nadezhda» (1803–1806): The most complete description of the first Russian Circumnavigation*. TsKP VMF, 2003 (in Russian)].

Позднеев Д. М. *Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России*. Т. 1. *Данные географические и этнографические*. Иокохама, Токио, 1909 [Pozdneev D. M. *Materials on the history of Northern Japan and its relations to the mainland of Asia and Russia*. Vol. 1. *Geographical and ethnographic data*. Yokohama, Tokyo, 1909 (in Russian)].

Позднеев Д. М. *Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России*. Т. 2. Ч. 1. *Отношения к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаасского клана*. Иокохама, Токио, 1909 [Pozdneev D. M. *Materials on the history of Northern Japan and its relations to the mainland of Asia and Russia*. Vol. 2. Part 1. *Relations with the peoples of Manchuria and data on the history of the Matsumaas clan*. Yokohama, Tokyo, 1909 (in Russian)].

Позднеев Д. М. *Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России*. Т. 2. Ч. 2. *Первые сношения с Россией в жизни Северной Японии*. Токио, 1909 [Pozdneev D. M. *Materials on the history of Northern Japan and its relations to the mainland of Asia and Russia*. Vol. 2. Part 2. *First relations with Russia in the life of Northern Japan*. Tokyo, 1909 (in Russian)].

Свердлов Л. М. *Крузенштерн и Резанов*. М., 2006 [Sverdlov L. M. *Kruzenshtern and Rezanov*. Moscow, 2006 (in Russian)].

Свердлов Л. М. Николай Петрович Резанов (1764–1807) — художественный образ и историческая личность. *Московский журнал: история государства Российского*. 2012. № 5(257). С. 45–64 [Sverdlov L. M. Nikolai Petrovich Rezanov (1764–1807) — an artistic image and a historical figure. *Moscow Journal: History of the Russian State*. 2012. No. 5(257). Pp. 45–64 (in Russian)].

Фёдорова О. М. *Образ посланника Н. П. Резанова в дневниках его спутников по кругосветному плаванию*. Псков — Москва, 2016. Книга II. С. 104–115 [Fedorova O. M. *The image of the envoy N. P. Resanov in the diaries of his companions on circumnavigation*. Pskov — Moscow, 2016. Book II. Pp. 104–115 (in Russian)].

Thomas Pierre Gidney Bypassing the Dutch Monopoly of Relations with Japan: Vasily Golovnin's Captivity (1811–1813). *Terrae Incognitae, The Journal of the Society for the History of Discoverie*. 2021. Pp. 135–157.

鎌田作郎 函館市 / 函館市地域史料アーカイブ — 榎法華村史 — 第十二編 災害 — 第四章 外国船の出現 — 第一節 鎖国中の外国船の出没 — 二 前松前、前幕領時代 — 1989 [(translation from Japanese) Sakuro Kamata. *History of Todohokke Village — Part 12 — Disasters. Chapter 4 — The Appearance of Foreign Courts; Section 1: Appearance of foreign ships during seclusion — Arrival of Resanov*. Regional Historical Archive of Hakodate City, 1989].

Архивные документы / Archive documents

Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 796. Опись 90. Дело 273.

Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Опись 1. Дело 217.

Архив Российской национальной библиотеки (РНБ) [Archive of the Russian National Library]. Фонд 73. Дело 341.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Голованов В. Одна «НАДЕЖДА» на двоих, 27.07.2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/308/> (дата обращения: 29.06.2022).

Грамота японских властей, данная А. Лаксману, о разрешении «одному великороссийского государства судну иметь вход в гавань Нангасакскую». URL: <https://www.prlib.ru/item/330299> (дата обращения: 29.06.2022).

Инструкция Главного правления Российско-Американской компании начальнику первой русской кругосветной экспедиции капитан-лейтенанту И. Ф. Крузенштерну. *Электронный архив*. Фонд Санкт-Петербургский Главный архив. 29 мая 1803 г. Л. 1–13, I-7. Опись 6, 1802 г. Д. 1. П. 27. URL: <https://www.prlib.ru/item/334706> (дата обращения: 05.07.2022).